

Майкл Ходарковский

Евразийские корни Российской империи

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_71

Michael Khodarkovsky
Eurasian Roots of the Russian Empire

Что такое Россия? «Загадка, окутанная тайной», согласно известному выражению премьера Великобритании Уинстона Черчилля? Государство, движимое мессианским экспансионизмом, согласно лауреату Нобелевской премии мира Андрею Сахарову? Цивилизация, оказавшаяся на пороге апокалипсиса и революции, согласно русскому философу XX века Николаю Бердяеву? Или это просто пространство, которое определяется обширным размером, империалистической идеологией, тесно связанными культурами, обитающими вместе цивилизациями и глубоко травмированным населением?

Главный герой романа Михаила Шишкина «Венерин волос» задается вопросом: «Кто мы и зачем?» Где заканчивается Российская империя и начинается русская нация? Как, если судить в глобальном масштабе, соотносятся Россия и Запад? В России эти вопросы всегда определяли вечный поиск национальной идентичности.

В течение последнего десятилетия Кремль усердно искал идеологию, которая могла бы обосновать его внешнюю политику. В результате на свет появились два понятия. Одно, известное как «Русский мир», призвано было объединить всех русских внутри и вне страны на основе языка, православной веры или общих, хотя и очень размытых, русских ценностей.

Другое понятие, «евразийство», возникло в кругах русских эмигрантов в 1920-е годы. Его первоначальной целью было отнять у советской власти монополию на наследие Российской империи. Создатели евразийства предлагали альтернативный взгляд на Россию как на одновременно европейское и азиатское пространство. Правительство Путина воскресило эту старую идею, чтобы обосновывать свои геополитические претензии на обеих сторонах континента.

Когда 31 марта 2023 года президент Владимир Путин подписал последнюю версию Концепции внешней политики России, идеологическая позиция, в которой соединились идеи Русского мира и евразийства, наконец-то была обретена. В этом документе Россия определяется как «самобытное государство-цивилизация и обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». Иными словами, Россия — это не просто одно из национальных государств, но уникальная евразийская цивилизация, объединившая множество народов, готовых следовать за Москвой.

Западное наследие России затушевывается, что позволяет обосновать вектор внешнеполитического развития и заменить старый Советский Союз современным Русским миром. Но что если Путин прав, хотя и не в том смысле, как он сам полагает? Что если Российская империя, ее прошлое и настоящее более

понятны в евразийском контексте? Может ли это объяснить, почему представители Запада с трудом понимают Российскую империю и почему оттоманы, персы и китайцы воспринимались ими как очевидный Другой, в то время как русские лишь с большим трудом поддавались такой ясной категоризации?

По моему мнению, Россия развивалась именно как евразийская империя, структурно во многом схожая с другими подобными государствами. Несмотря на религиозные, культурные и этнические различия, евразийские империи обладали некоторыми чертами, которые делали их во многом непохожими на европейские государства.

Одной из общих черт этих империй была их связь с великой евразийской степью: их политическое образование определялось степным фронтиром, который в течение многих веков влиял на их специфическую природу. Другими словами, если Западная Европа родилась на свет благодаря наследию Римской империи, евразийские империи были наследницами степной монгольской империи Чингисхана. В самом деле, Оттоманы, Сефевиды и Каджары в Иране, Мугалы и Цинь в Китае были династиями степного происхождения, которые веками поддерживали традиции степи. Но даже в России начиная с Ивана Грозного, называвшего себя потомком Чингисхана, самые разные правители претендовали на наследие ханов Золотой Орды вплоть до середины XVIII века. Политическая культура всех евразийских империй сформировалась в тесной связи со степью и ее кочевыми обитателями, вне зависимости от того, сознательно ли они считали себя наследниками степи, как делали Оттоманы, персы и Мугалы, или определяли себя как ее оппонентов, как поступали российские и китайские правители.

Пожалуй, самой яркой чертой, которую Россия разделяла со своими восточными соседями, было гипертрофированное развитие правительства и государства. В этом отношении мировоззрение и политика кардинально отличаются евразийские империи от империй европейских. Например, европейская экспансия и колонизация первоначально осуществлялась частными торговыми компаниями, пусть они обычно и действовали во имя и под покровительством соответствующей короны. Единственными сравнимыми примерами в российской истории были два кратких периода, когда купеческая семья Строгановых получила разрешение колонизировать Сибирь в 1560-е годы, а Русско-американская компания управляла Аляской с 1799 по 1867 год, после чего последняя была продана Соединенным Штатам. В Османской и Китайской империях сопоставимых ситуаций просто не было.

Российская и другие евразийские империи никогда не распределяли власть наподобие империй европейских, где существенные полномочия передавались парламентам, частным организациям, торговым компаниям, семьям и добровольным ассоциациям. В Москве, Стамбуле, Исфахане или Пекине колонизация завоеванных земель и народов воспринималась как исключительно государственное дело. А поскольку эти правительства подчиняли себе сопредельные территории, они идеологически обосновывали свое право на них на языке политической теологии или в терминах геополитической озабоченности. В некотором смысле, вопреки распространенному убеждению, евразийские империи были впереди европейских, которые только в XIX веке стали полагаться на всю мощь государственного аппарата, чтобы покорять свои заморские владения и управлять ими.

В отличие от европейских национальных монархий, евразийские империи придерживались идеи монархии универсальной и видели свое явное предна-

чертание и божественную миссию в завоевании и подчинении окружающих народов. Имперские правительства неизбежно воспринимали и оформляли свои отношения с Другим не посредством договоров, как европейские империи, но как сюзерены, дарующие свои милости новым подданным. С точки зрения правительств недавно захваченные народы должны были, как и другие подданные Российской, Османской или Китайской империй, выразить вечную покорность своим повелителям.

Пока западноевропейские общества разрабатывали разнообразные институты и понятия, чтобы обращаться с многомерным экономическим, политическим и правовым пространством их империй, евразийские империи оказались не способны приспособиться к новым и более сложным вызовам и пытались сочетать домодерные имперские структуры с новыми. Выраженные в категориях универсальной монархии, их представления о собственных империях с трудом разделяли метрополии и периферию, народы за пределами и в пределах имперских границ, административные и правовые институты в метрополии и на окраине.

Распространенное разграничение между европейскими заморскими колониальными империями и евразийскими континентальными империями может сбивать с толку. Хотя некоторые различия между ними существовали, евразийские империи часто прибегали к тем же колониальным методам и практикам. Например, хотя Россия и не учредила специальное ведомство наподобие британской Колониальной администрации или французского Колониального министерства, это не значит, что у России вообще не было такого ведомства. Через много лет после завоевания Кавказа и Центральной Азии и их, как утверждалось, полной интеграции в составе Российской империи, этими регионами все еще управляли азиатские департаменты в составе Министерства иностранных дел и Военного министерства.

Многие века Россия отрицала свой статус как колониальной империи. Поскольку история как академическая дисциплина всегда была служанкой государства, за кратким исключением 1990-х годов, исследователи были обязаны создавать нарративы, оправдывавшие расширение Российского государства, изображать его как благотворное в сравнении с западными империями и подчеркивать положительное влияние Российской империи на местное население. В разное время высокопоставленные российские правительственные чиновники предлагали признать, что, как и другие европейские империи, Россия владела азиатскими колониями. Однако ответ из Санкт-Петербурга всегда был один и тот же: Россия не имела колоний и была едина и неделима. Не удивительно, что идеи русского колониализма обычно предлагались чиновниками, заинтересованными в сборе налогов, и отвергались военной администрацией. В реальности Россия, как и Циньский Китай и в отличие от большинства европейских государств, практиковала своеобразный государственный колониализм.

Не стоит отрицать евразийский характер Российской империи только потому, что официальная российская идеология выстраивается вокруг этой идеи. Россия всегда была гибридной империей с корнями и в Европе, и в Азии, где сосуществовали, подчас не без конфликтов, разные традиции и влияния. Если рассмотреть имперскую историю России в контексте ее евразийских соседей, это позволит демистифицировать историю Российской империи и наконец разрешить загадку, которую Россия представляла собою для Черчилля, и тайну, которой она оставалась для многих поколений до и после него.